

Кирпичников Александр Иванович

**Чудесные статуи в
Константинополе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Чудесные статуи в Константинополе / Кирпичников Александр Иванович — М.: Книга
по Требованию, 2025. — 29 с.

ISBN 978-5-519-89137-0

ISBN 978-5-519-89137-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чудесныя статуи въ Константинополѣ.

Въ архелогической наукѣ особый интересъ возбуждаютъ тѣ пункты, въ которыхъ отдаленное прошлое тѣсно связывается съ настоящимъ и даетъ ключъ къ его пониманію и оцѣнкѣ. Къ сожалѣнію, именно эти то пункты и оказываются наиболѣе темными въ силу громадности матеріала, необходимаго для ихъ уясненія, и потери многихъ звеньевъ длинной цѣпи.

Когда въ 1870 г. германская армія осаждала одновременно и Страсбургъ и Парижъ, жители послѣдняго не боялись за судьбу прекрасно укрѣпленной и снабженной всѣмъ въ изобиліи столицы, но трепетали за участь Страсбурга, взятіе котораго влекло за собою потерю одной изъ лучшихъ провинцій Франціи. И вотъ, чтобы выразить свои патріотическія чувства и предотвратить опасность, мобили и національные гвардейцы ежедневно устраивали процессіи на площадь Согласія и покрывали крепомъ и знаменами «статую благороднаго города» ¹⁾. А когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ Парижъ долженъ былъ отворить врагамъ своимъ ворота, и 30-тысячный непріятельскій корпусъ вступилъ на ту же площадь, парижане такъ разукрасили статую Страсбурга вѣнками и трехъ-цвѣтными знаменами, что она не могла не броситься въ глаза пруссакамъ ²⁾. Да и до сихъ поръ каждое 14 іюля передъ

¹⁾ Henri Martin, Histoire de France depuis 1789 v. VII, 180.

²⁾ Ibid. 362.

той же статуей дефилируют десятки процессій, сотни тысячъ народа и забрасываютъ ее вѣнками.

Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ политической демонстраціей; но основу ея составляетъ общечеловѣческое свойство искать внѣшняго выраженія для своихъ чувствъ и представлений, свойство, которое было причиной появленія и мифологіи, и искусства. Конечно, никто изъ французовъ не думаетъ, что процессіями и вѣнками можно возвратить себѣ городъ Страсбургъ; но еслибъ какое-нибудь не вѣру раціоналистическое министерство вздумало убрать его эмблему съ площади Согласія, оно вызвало бы противъ себя бурю негодованія.

Если такъ стоитъ дѣло во второй половинѣ XIX вѣка, можно ли обвинять Константина Великаго въ потворствѣ слабоумію толпы и въ двоевѣріи за то, что, основывая новую столицу, онъ снабдилъ ее статуей Судьбы города (Τύχη τῆς πόλεως) и торжественно отпраздновалъ ея освященіе?

Τύχη одно изъ божествъ философскаго періода греческой мифологіи ¹⁾. Еще Макробій замѣтилъ, что Гомеръ совершенно не знаетъ ея. Теогонія Гезіода и гомерическій гимнъ Деметрѣ поминаютъ ее между нимфами океанидами, дочерьми Океана и Тетиды. Предполагаютъ ²⁾, что еще въ VII столѣтіи до Р. Х. ей строили если не храмы, то святилища и ставили статуи; но въ то время культъ ея былъ мѣстный, а не общегреческій; въ V в. онъ распространяется повсемѣстно. Первоначально Тихи — бо-

¹⁾ См. о ней **F. Allègre**, *Étude sur la déesse grecque Tyché, sa signification religieuse et morale*, son culte et ses représentations figurées, Paris. 1839. Ср. **Bouché Leclercq** въ *Revue de l'histoire des religions* 1891 № 3, стр. 273. Ср. также **Ferd. Piper**, *Mythologie der Kunst* II, 567 и слѣд.

²⁾ **Allègre** о. с. стр. 7.

гиня счастья и богатства, исходящего изъ земли; поэтому рогъ изобилія, рогъ козы Амалѳеи, — одинъ изъ ея распространенныхъ атрибутовъ; отсюда же и ея близкая связь съ Агатодемономъ. Когда въ VI в. главнымъ источникомъ богатства дѣлается торговля, Тихи становится морскою богинею. Въ этомъ качествѣ она является у Эсхила, гдѣ спасаетъ корабль Агамемнона (Agam. 650 sqq.) и у Пиндара, гдѣ она исправляетъ обязанность божественнаго кормчаго. Но у того же Пиндара является и Τύχη φερέπολις (градохранительница), изъ чего видно, что въ этотъ періодъ уже стремится къ индивидуализаціи Τύχη τῆς πόλεως ¹⁾. Въ то время, какъ общая Тихи, подвергаясь вліянію зрѣющей философской мысли грековъ, развиваетъ и видоизмѣняетъ свое значеніе ²⁾, независимо отъ нея распространяется по отдѣльнымъ городамъ и находитъ богатое выраженіе въ искусствѣ культъ Τύχης τῆς πόλεως. Полагаютъ, что она произошла изъ сліянія общей Тихи съ спеціальнымъ, мѣстнымъ божествомъ, не безъ вліянія художественнаго представленія города въ видѣ женской фигуры съ зубчатой короной на головѣ. Особенной популярностью культъ этой богини или вѣрнѣе этихъ богинь, пользуется въ большихъ городахъ Малой Азіи (хотя Демосѳенъ и противопоставляетъ Судьбу Филиппа и Судьбу Аѳинъ, но это скорѣй риторическая фигура, чѣмъ выраженіе вѣрованія; аѳиняне очень долго довольствовались своей Палладой, и только во II в. послѣ Р. Х. знаменитый риторъ Иродъ Аттикъ построилъ особый храмъ Судьбѣ города и сдѣлалъ свою жену ея первой жрицей), и самыя обстоятельныя извѣстія имѣемъ мы о Тихи Антіохіи.

Вотъ что рассказываетъ объ ней Малала, историкъ вообще недостоверный и легкомысленный, но самъ Антіо-

¹⁾ Allègre I с. 188.

²⁾ См. у Аллегра первой части главы III—VII.

хіецъ и относительно древностей родного города пользовавшійся, повидимому, добросовѣстнымъ Іоанномъ Антиохійцемъ ¹⁾. Когда въ 300 г. до Р. Х. Селевкъ I приносилъ въ Антигоніи жертву Зевесу и спрашивалъ его, оставить ли подъ другимъ именемъ этотъ городъ, основанный его противникомъ, или выстроить новыи, орелъ захватилъ часть жертвы и перенесъ ее на гору Сильпій, на берега Оронта. Тогда Антигонія была разрушена, и выстроена Антиохія (въ честь сына его Антиоха Сотира). При этомъ была принесена въ жертву дѣвственница Эмаи (Αἰμάθη), и бронзовая статуя ея, поставленная надъ рѣкою, была освящена обычной жертвой, какъ Судьба города ²⁾. Изъ Пав-

¹⁾ Н. Krumbacher, Gesch. d. byz. Litt. 109, стр. 113.

²⁾ *στήσας ἀνδριάντος στήλην χαλκὴν τῆς σφαγιασθείσης κόρης τύχην τῇ πόλει ὑπεράνω τοῦ ποταμοῦ, εὐθέως ποιήσας αὐτῇ τῇ τύχῃ θυσίαν* стр. 200 и слѣд.

О томъ, въ чью именно честь получила Антиохія свое имя, см. ib. 204: οὐδεὶς δὲ κτίζων πόλιν εἰς ὄνομα τεθνηκότος αὐτὴν καλεῖ· ἔστι γὰρ λῆρος, ἀλλ' εἰς ὄνομα ζώντος καὶ ἐστώτος καλεῖ. Какъ примирить эти слова съ многочисленными указаніями того-же Малала и др. на названія городовъ по именамъ принесенныхъ въ жертву дѣвственницъ? Я не вижу здѣсь противорѣчія, а только два разные момента въ духовной культурѣ древности: когда Малала напр. рассказываетъ о наименованіи города Ниссы по имени дѣвушки, принесенной въ жертву Артемидѣ будто-бы самой Ифигеніей (139, 15—21), онъ имѣетъ въ виду чисто мнѣическое міровоззрѣніе, въ силу котораго каждый городъ долженъ имѣть свое особое покровительствующее ему божество (въ надписи, сохранившейся до его времени — *ἄτινα ἕως νῦν ἐγγέγραπται — Νύσσα* прямо названа богиней), а лучший способъ «добыть» такое божество — послать на Олимпъ чистую дѣву. А въ выше-приведенномъ мѣстѣ Малала стоитъ на точкѣ зрѣнія македонскаго и римскаго періодовъ, когда могучіе политическіе дѣятели называли города по своимъ именамъ, подобно тому, какъ это дѣлается и въ наше время (съ тою, впрочемъ, разницею, что въ древности обоготвореніе властителей сближало этотъ моментъ съ мнѣическимъ міровоззрѣніемъ) Любопытное смѣшеніе двухъ моментовъ мы находимъ у того-же Малала (268, 7 и сл.), который рассказываетъ, что при имп. Нервѣ Неокесарія была переименована въ Аназарвъ, по имени нѣкоего Зарва, благодѣтеля города, принесшаго въ жертву *κόρην ὀνόματι Κηπάραν χωρικὴν* и поставившаго ей мѣдную статую *εἰς τύχην τῆς πόλεως*. Что и въ вѣкъ императоровъ признавалось священное значеніе дѣвственной крови, видно изъ разсказа того-же Малала о Траянѣ, который будто-бы въ Антиохіи же послѣ землетрясенія

занія мы знаемъ, что эта статуя была сработана Эвтихидомъ Сикіонскимъ, ученикомъ Лизиппа, и что она изображала молодую женщину, сидящую на скалѣ (гора Сильпій) и держащую пучекъ колосьевъ; на головѣ ея была зубчатая корона (πυργωτὸς στέφανος, corona muralis), а у ногъ безбородое божество, изображавшее рѣку Оронть. Тотъ-же Павзаній свидѣтельствуетъ о ея высокомъ почитаніи (VI, 2, 4). Эта статуя имѣла много подражаній въ другихъ городахъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, празднество въ честь Судьбы города совершалось въ день основанія послѣдняго; это *день рожденія божества*.

Божество, представленное этой статуей, не только не исключало поклоненія другимъ общимъ богамъ, но даже и другимъ Судьбамъ города. Малала въ томъ же мѣстѣ сообщаетъ, что, разрушивъ Антигонію, Селевкъ перенесъ въ Антиохію статую, изображающую Судьбу прежняго города; а немного дальше (р. 216) онъ говоритъ, что Юлій Цезарь въ той же Антиохіи поставилъ мѣдную статую Судьбы Рима (у Римлянъ божества охранители городовъ и мѣстъ были мужескаго пола, но въ это время они подчинили національное представленіе греческому).

Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить, былъ ли храмомъ конкретнаго божества Судьбы города или болѣе философскаго—Судьбы вообще—тотъ антиохійскій Тихіонъ, (τιχεῖον) о которомъ упоминаетъ не одинъ разъ императоръ Юліанъ, и который при Θεодосίῳ II былъ обращенъ въ храмъ св. Игнатія ¹⁾. Неизвѣстенъ также и характеръ Тихіона Александріи, но любопытно его существованіе въ началѣ VI в. послѣ Р. X. ²⁾.

принесъ въ жертву красавицу, горожанку Καλλιόπῃ ὑπὲρ λύτρου καὶ ἀποκαθάρσιμῳ τῆς πόλεως (275, 20); немного ниже 276, 7—8, онъ говоритъ, что ей статуя поставлена εἰς λόγον τύχης τῆς αὐτῆς πόλεως.

¹⁾ Ailègre, 202 и 207.

²⁾ ibid. 206.

Извѣстіе Малалы о человѣческой жертвѣ при основаніи Антиохіи возбуждаетъ сомнѣніе еще у О. Мюллера; тѣмъ болѣе трудно вѣрить дѣйствительности факта, когда лѣтописецъ приписываетъ такое же дѣяніе Октавіану Августу, который при основаніи Анкиры «въ очищеніе приносить дѣвственницу по имени Григорію» ¹⁾ и Тиверію ²⁾. Но мы не считаемъ возможнымъ объяснять это тенденціозной выдумкой христіанъ; это есть выраженіе общаго и древняго вѣрованія, какъ извѣстно, надолго пережившаго побѣду христіанства, что при основаніи знаменитаго города или другой важной постройки должна погибнуть «живая душа». Важенъ не фактъ, а свѣжесть этого вѣрованія въ эпоху Іоанна Антиохійскаго и Малалы ³⁾.

Во время борьбы двухъ религій въ языческомъ обществѣ боги постепенно уступали мѣста геніямъ или демонамъ ⁴⁾, къ числу которыхъ принадлежала и Судьба города; оттого съ одной стороны развивающійся культъ ея возбуждалъ особое негодованіе *ревностныхъ* христіанъ ⁵⁾;

¹⁾ κόρην παρθένου ὀνόματι Γρηγορίαν εἰς ἀποκαθαρισμόν. Malal. p. 221.

²⁾ Ibid. p. 235 ἔκτισε δὲ καὶ τὸ θέατρον, προσθεῖς ἄλλην ζώνην πρὸς τῇ ὄρει καὶ θυσιαστάς κόρην παρθένον Ἀντιγόνην ὀνόματι. ὅθεν θέατρον οὐκ ἐπλήρωσεν εἰς τέλειον. Подчеркнутыя слова совершенно неумѣстны; не есть-ли это сокращеніе вставленнаго сюда разсказа объ Антигонѣ? Постройка театра и другого пояса выше (222) приписывается Агриппѣ.

³⁾ «Переживаніе» этого вѣрованія существуетъ до сихъ поръ въ такомъ видѣ: при закладкѣ дома или другого зданія въ краевой уголъ кладутъ деньги или какую-нибудь драгоценность, какъ *залогъ счастья*. Недавно въ Астрахани разбиралось дѣло о похищеніи каменьщиками такого «залога счастья» въ видѣ нѣсколькихъ талеровъ (см. газету «Новости дня» 1893 г. № 3610).

⁴⁾ Les dieux s'en vont et les démons reviennent, говорить Буше Леклернъ о. с. 302.

⁵⁾ При Максиминѣ въ Кесаріи Палестинской въ день рожденія Тихи 5 Марта св. Адріанъ брошенъ звѣрямъ (Euseb. De martyr. Palaest. c. 11 p. 433. Piper о. с. стр. 593). При Юліанѣ (по Теофану при Констанціи) былъ сожженъ христіанами храмъ τύχης (τῆς πόλεως?) въ Кесаріи, Каппадокійской (ibid. изъ Greg. Naz. or. IV ad Julian. Inv. I c. 92). Ср стр. 594.

съ другой стороны *оппортунисты*, составлявшіе, безъ сомнѣнія, большинство, не считали особымъ грѣхомъ принимать участіе въ праздниѣ этого божества, которое имѣло болѣе мѣстно-патріотическое — а мѣстный патріотизмъ, естественно, усилился послѣ паденія патріотизма общеримскаго, — нежели религіозное значеніе ¹⁾). Даже въ V столѣтіи въ чисто христіанскомъ обществѣ поэтъ взывалъ къ богинѣ Рима или ораторъ олицетворялъ этотъ старый и славный городъ, также мало считая себя виноватымъ въ язычествѣ, какъ византійскій монахъ-миніатюристъ, который изображалъ Египетъ въ видѣ женщины съ зубчатой короной или Иорданъ въ видѣ Іора и Дана ²⁾).

Могъ ли Константинъ Великій, основывая новую столицу въ моментъ приблизительнаго равновѣсія двухъ религій, пренебречь укоренившимся обычаемъ и не создать для города спеціального божества съ особымъ культомъ и съ особымъ *палладіумомъ*?

О статуяхъ Судьбы Константинополя недавно собрали всѣ данныя и привели въ систему молодой, но уже пріобрѣтшій въ наукѣ почетную извѣстность, историкъ византійскаго искусства Іосифъ Стриговскій ³⁾.

Вотъ вкратцѣ результаты его работы. Увѣреніе Кедрина и Зонары, будто Константинъ Великій посвятилъ основываемый имъ городъ Богоматери, есть позднѣйшая благочестивая выдумка. По древнѣйшимъ свидѣтельствамъ, Константинъ, согласно старому обычаю, посвятилъ его

¹⁾ Августинъ строго порицаетъ кареагенскихъ христіанъ за ихъ участіе въ празднествахъ генію города въ день рожденія послѣдняго (Piper 594—5 по August. Sermon. LXII. c. VI § 10).

²⁾ Указаніе на *переживаніе* вѣры въ τύχη высоко поставленныхъ лицъ встрѣчаемъ у того-же Малалы; онъ (405, 19—20), рассказывая о побѣдѣ Анастасія (491—518) надъ Виталианомъ, говоритъ: καὶ ἐνίκησεν ὁ σωτήρ Χριστός καὶ ἡ τοῦ βασιλέως τύχη.

³⁾ Die Tyche von Konstantinopel (Sonder-Abdruck aus «Analecta graeciensia», Festschrift zum 42. Philologentage in Wien. 1893).

судьбѣ и рядомъ съ «политическимъ» именемъ Константинополя или Новаго Рима далъ ему тайное, жреческое имя 'Ανδροα (цвѣтущая), аналогичное съ именемъ древняго Рима — Флора. По словамъ Пасхальной Хроники (Вопн. р. 528) онъ още въ 328 г., за 2 года до торжественнаго освященія новой столицы, назвалъ Анеусой Судьбу города, имъ возобновленнаго, и принесъ ей при этомъ *безкровную* жертву. Это имя имѣетъ въ виду законъ 334 г., въ которомъ Константинъ называетъ свою столицу городомъ, «quam aeterno nomine donavimus»; это же имя приведено у Малалы и у Евстаѳія на основаніи древнихъ свидѣтельствъ.

Первое изображеніе Судьбы Константинополя воздвигнуто, вѣроятно, въ томъ же 328 г. Эта статуя, надо полагать, въ 330 г., за день до торжественнаго освященія города, была перенесена съ Филадельфія или Магnavры, поставлена на колонну и освящена поклоненіемъ.

Въ самый день освященія 11 мая 330 г. была открыта другая статуя (деревянная позолоченая), изображавшая самого Константина, держащаго въ правой рукѣ Судьбу города Анеусу (Malalas p. 321; по другимъ источникамъ это былъ не Константинъ, но богъ Геліосъ ¹⁾); по указу Константина ежегодно въ торжественной процессіи эту статую должны были относить въ Ипподромъ и проносить передъ императорской трибуной, при чемъ импе-

¹⁾ Очевидно эта статуя была воспроизведеніемъ подобной-же римской, гдѣ также Судьба міровластительнаго города связывалась съ изображеніемъ Геліоса. О такой римской статуѣ сохранилась память и въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Въ *Mirabilia urbis Romae* (ed. **Gustavus Parthey**, Berolini 1869 стр. 26) мы читаемъ: *Colosseum fuit templum solis mire magnitudinis et pulcritudinis.... erant preterea ibi signa supercelestia et planete Sol et Luna, que quadrigis propriis ducebantur. In medio vero Phebus, hoc est deus solis, manebat, qui pedes tenens in terram cum capite celum tangebatur, qui pallam tenebat in manu, innuens quod Roma totum mundum regebat.*

раторъ воздавалъ ей поклоненіе. Обычай этотъ удержался до Юліана, а по другимъ свидѣтельствамъ до Θεодосіа Великаго.

Третья статуя Судьбы города изъ бронзы съ зубчатой короной на головѣ стояла въ восточной апсидѣ Форума. Михаилъ Рангави (811—812) велѣлъ ей отрубить руки, чтобы она не поддерживала народноѣ партіи противъ властителей.

Четвертая статуя Судьбы города стояла на Стратіонѣ; кесарь Варда, дядя Михаила III (842—866), удалилъ ее или разрушилъ.

Наконецъ Зонара упоминаетъ о пятой мѣдной статуѣ Судьбы при императорѣ Анастасіи (417—518) ¹⁾, изображавшей женщину, одна нога которой была поставлена въ корабль.

Далѣе авторъ привлекаетъ къ дѣлу нумизматику и на цѣломъ рядѣ медалей временъ Константина находитъ изображенія Судьбы города въ видѣ женской фигуры на тронѣ, съ зубчатой короной на головѣ, съ рогомъ изобилія

¹⁾ По моему мнѣнію, текстъ Зонары свидѣтельствуеетъ, что при Анастасіи «стояла гдѣ-то въ городѣ» (ἵσταται που τῆς πόλεως) такая статуя, а поставлена; она была гораздо ранѣе (Τούτου δὲ τὰ τοῦ τῆς νῆος εἰκονίσματος ἢ τῆς χρύσεας...).

Количествомъ статуй Судьбы города, обозначенному у Стриговскаго, не слѣдуетъ придавать особаго значенія: весьма возможно, что писатели, знавшіе ихъ только по преданію, приписываютъ одному и тому-же памятнику различную форму и мѣстонахожденіе. Съ другой стороны къ указаніямъ Стриговскаго легко прибавить другія. Напр. такъ наз. Анонимъ Бандурія (стр. 61) говоритъ, что между статуями, стоящими у Золотыхъ Воротъ и привезенными протасикритомъ и астрономомъ Вигиліемъ, была одна, изображавшая, очевидно, городъ Константинополь (εἰς τὸν τῆς πόλεως), по другіе (и самъ авторъ) считали ее статуей жены Вигилія.

Къ статуѣ Судьбы города, а не къ языческой богинѣ Фортуны относится, по всей вѣроятности, и то, что приводитъ Пинеръ (о. с.) относительно пожара базилики Сената въ 404 г. и восстановленія статуи τῆς Τύχης префектомъ Θεодоромъ; надпись въ честь его см. Jacobs Anth. Gr. Palat. II, 243 № 697.

въ лѣвой рукѣ и съ ногами, упертыми въ носъ корабля. Онъ принимаетъ мнѣніе Фридлендера, что всѣ эти медали выбиты къ празднику освященія города 11 мая 330 г.

Эту же фигуру (съ незначительными отмѣнами) авторъ указываетъ на нѣсколькихъ позднѣйшихъ монетахъ и медальонахъ и на слоновой кости. На консульскихъ диптихахъ она изображается вмѣстѣ съ Судьбою Рима, но по лѣвую руку отъ консула.

Затѣмъ, исходя изъ факта, что основатель Константинополя хотѣлъ изъ него сдѣлать Новый или Второй Римъ, авторъ приводитъ нѣсколько вѣскихъ указаній на то, что Судьба Константинополя изображалась *кромѣ того* и какъ Судьба Рима (это типъ сидящей Аѳины съ шлемомъ, щитомъ и копьемъ и съ эгидой вмѣсто ожерелья), при чемъ именно носъ корабля служилъ указаніемъ того, что фигура изображала новый, а не древній Римъ. При христіанскихъ императорахъ шаръ, который держитъ Судьба города, увѣнчивался крестомъ. Въ VI столѣтіи воспроизведенія Судьбы Константинополя прекращаются, а послѣ иконоборства всецѣло вступаетъ въ свои права Панагія.

Стриговскій, обращая вниманіе только на оффиціальнѣй культа Судьбы города и на его художественные памятники, этимъ и заканчиваетъ свой интересный этюдъ. Имѣя въ виду народныя вѣрованія, византійскій *фольклоръ*, мы должны повести дѣло дальше. Но прежде мы возвратимся къ императору Константину.

Убѣжденный, что судьба, счастье города зависитъ отъ палладіума, въ немъ секретно хранимаго, ясно сознавая идею Константина перенести на Новый Римъ славу Древняго, народъ византійскій приписалъ основателю Константинополя похищеніе римскаго палладіума и перенесеніе его въ новую столицу. Малала зналъ это сказаніе и намѣренъ былъ обстоятельно передать его